

Муретов М. Д. Церковно-практическое и научно-богословское значение славянского перевода Нового Завета в труде святителя Алексия, Митрополита Киево-Московского и Всероссийского: [Актовая речь] // Богословский вестник 1897. Т. 4. № 11. С. 177–199 (2-я пагин.). (Начало.)

Церковно-практическое и научно-богословское значеніе славянскаго перевода Нового Завета въ трудѣ святителя Алексія Митрополита Кіево-Московскаго и Всероссійскаго.

(Произнесено въ сокращеніи на публичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1-го октября 1897 года).

Каждый предметъ долженъ осуществлять свое назначеніе или быть выраженіемъ идеи: осуществленіе идеи въ предметѣ опредѣляетъ достоинство предмета и приближаетъ его къ идеалу; уклоненіе предмета отъ своего назначенія есть его недостатокъ и искаженіе идеи. Нигдѣ эта истина, думаю, не сказывается такъ ясно для ума, такъ ощутительно для чувства и такъ дѣйственно для воли, какъ въ области явленій религіозно-нравственныхъ. Религіозное политиканство, ханжество и лицемѣріе истиннымъ нравственно-религіознымъ сознаніемъ отличаются отъ подлинной правды такъ же, какъ наши глаза различаютъ тьму и свѣтъ. Ни напыщенная ученость современныхъ Христу книжниковъ и фарисеевъ, ни показная ихъ праведность съ ея строгимъ аскетизмомъ, продолжительными молитвами, тяжелыми постами, ни ихъ самоотверженные подвиги нищенства и мисіонерства:—ничто не смогло обмануть чистаго сердца простыхъ, но истинно-нравственныхъ рыбарей и поселянъ, кои *дивились* не книжникамъ и фарисеямъ, но *ученію Христа, ибо Онъ училъ ихъ какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи* (Матѣ. 7, 28—29).

Такъ это во всѣхъ проявленіяхъ нашей религіозно-нравственной жизни вообще,—такъ это и въ церковномъ богослуженіи, какъ наивысшемъ ея выраженіи, въ особенности. Осуществляя *свое назначеніе*, церковная музыка, живопись и поэзія должны имѣть и свое особенное, *церковное*, вы-

раженіе. Въ храмѣ Божіемъ, какъ особомъ мѣстѣ молитвы, духовнаго услаженія и вообще нравственно-религіознаго упражненія вѣрующихъ,—самыя стройныя и изысканнѣйшія сочетанія звуковъ, въ исполненіи хотя бы знаменитаго хора, окажутся для вѣрующаго сердца менѣе дѣйственными, чѣмъ истовое исполненіе церковнаго пѣснопѣнія хотя бы и простымъ хоромъ религіозно настроенныхъ пѣвцовъ, хотя бы даже одного доброгласнаго пѣвца—псаломщика. Какой бы высоты художественнаго творчества ни достигала картина съ религіознымъ сюжетомъ, но если она не проникнута истинно-религіознымъ чувствомъ вѣрующаго иконописца, она не привлечетъ къ себѣ молитвенно-благоговѣйнаго взора христіанина, не коснется ни одной струны его религіознаго чувства и всегда будетъ для него только *картиною*, а не *иконою*. Самое поэтичное стихотвореніе съ религіознымъ содержаніемъ, но безъ религіознаго огня и вдохновенія вѣры, не будетъ въ себѣ имѣть той *силы благодатной въ созвучьи словъ живыхъ*, что *непонятною*, но *святою прелестью дышетъ* въ молитвѣ церковной.

То же самое должно сказать и о церковно-богослужебномъ употребленіи *Слова Божія*. Какъ *слово живое и дѣйственное*, оно, чтобы *проникать до раздѣленія души и духа и судить помыслы и намѣренія сердечныя*, должно быть употребляемо на языкѣ удобопонятномъ для каждаго вѣрующаго члена Православной Церкви. Но какъ *Слово Божіе*, а не человѣческое, оно не должно выражаться на языкѣ нашей обыденной, часто суетно мелочной и далекой отъ нравственно-религіозныхъ предметовъ, жизни. Для доказательства могу сослаться на то впечатлѣніе, какое производитъ чтеніе пасхальнаго евангелія на славянскомъ и русскомъ языкахъ.

Въ сознаніи сей истины наша Православно-Русская Церковь, не принижая богослужебный языкъ до обыденной рѣчи протестантства и не превращая его въ мертвые звуки католической латыши,—во время богослуженія преподаетъ Слово Божіе всѣмъ своимъ чадамъ на такомъ языкѣ, который хотя и чуждъ обыденной жизни и возвышается надъ разговорною рѣчью, но въ то же время и удобопонятенъ (или можетъ и долженъ быть удобопонятнымъ) настолько, чтобы Слово Божіе могло проникать живою и дѣйственною силою

въ сердце каждаго вѣрующаго—простеца и мудреца одинаково. Это—языкъ *церковно славянскій*.

Есть и другая причина, по коей славянскій языкъ Библии вообще и Новаго Завѣта въ частности не долженъ и не можетъ быть замѣненъ обыденною разговорною русскою рѣчью (она же и литературная),—причина, болѣе, такъ сказать, научно-богословская, чѣмъ церковно-практическая. Греческій переводъ Ветхаго Завѣта и Новый Завѣтъ написаны на такомъ греческомъ языкѣ, который, въ весьма значительной степени утративъ свой національный характеръ и воспріявъ особенности другихъ (семитическихъ) нарѣчій, сдѣлался языкомъ общечеловѣческимъ (*κοινὴ*), употребившимся различными народами тогдашняго всемірнаго греко римскаго государства. Поэтому Библия вообще и Новаго Завѣтъ въ особенности удобопереводимы на всякій языкъ, въ томъ числѣ и на русскій. Но все же какъ греческій языкъ Новаго Завѣта, такъ и церковно-славянскій, по своимъ формамъ и оборотамъ, гораздо ближе между собою и богаче, чѣмъ современный русскій языкъ. Многое, чего дословно нельзя выразить по русски, напр. родительный самостоятельный, неопредѣленное съ членомъ, иѣкія частицы и др.,— съ совершеннѣйшею точностію и даже изяществомъ передается на языкѣ церковно-славянскомъ. Притомъ, какъ языкъ неразговорный, а только богослужебный, слѣдовательно до извѣстной степени могущій быть условнымъ, языкъ церковно-славянскій допускаетъ или можетъ допускать гораздо болѣе свободы въ дословной передачѣ греческаго подлинника, чѣмъ разговорный русскій языкъ: невозможныя въ русскомъ языкѣ словосочетанія греческаго подлинника могутъ быть допустимы на языкѣ церковно-славянскомъ, какъ языкѣ условномъ, хотя бы эти словосочетанія не были свойственны языку древне-славянскому. Такимъ образомъ, церковно-славянскій переводъ Новаго Завѣта, если и не вполне, то почти вполне, и во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ русскій, можетъ *осуществить свое назначеніе*, т. е. замѣнить греческій подлинникъ Слова Божія ¹⁾).

¹⁾ Вопреки тѣмъ, кои церковно-богослужебный языкъ вообще и церковно-богослужебное употребленіе Слова Божія въ частности не же-

Вотъ почему наша Церковь всегда твердо и рѣшительно противостояла протестантствующему желанію — обыденную русскую рѣчь сдѣлать языкомъ церковнаго богослуженія, — какъ, съ другой стороны, и всегда была чужда мысли канонизовать какой-либо одинъ славяно русскій текстъ Библіи, который, ставъ въ послѣдствіи непонятнымъ и чуждымъ, превратился бы въ мертвую вульгату и сдѣлался бы достояніемъ *школы*, а не *церкви* ¹⁾. Напротивъ, едва не съ самаго первооснованія своего Православно-Русская Церковь ведетъ постоянную и живую работу по справкѣ новозавѣтнаго славянскаго текста, состоящей какъ въ устраненіи неточностей перевода, его невыдержанности и невѣрностей текста (научно-богословская сторона справы), такъ и въ замѣнѣ однихъ словъ и оборотовъ, устарѣвшихъ и ставшихъ непонятными, другими, болѣе понятными и соответственными для даннаго времени (церковно практическая

лали бы отличать отъ частнаго и домашняго. замѣтимъ, что какъ въ отношеніи Слова Божія, такъ и молитвы есть существенное различіе въ дѣйствіи ихъ на сердца вѣрующихъ при церковно-богослужебномъ и домашнемъ ихъ употребленіи. Для доказательства сошлюсь опять на пасхальную службу. Каждый у себя дома можетъ прочесть пасхальное евангеліе, пропѣть канонъ, возгласить: „Христосъ воскресъ“: и однакоже это будетъ совѣтъ не то дѣйствіе и проявленіе религіознаго чувства, какъ при всеобщемъ и единодушномъ ликованіи собора истинно вѣрующихъ христіанъ въ храмѣ Божіемъ, при совершеніи богослуженія священнодѣйствующими лицами. Таинственно-благодатная сила, присущая храму и вѣющая въ богослуженіи отъ благоговѣнно священнодѣйствующихъ невидимыми намъ путями передается и другимъ, находящимся въ храмѣ лицамъ, — напряженіе религіознаго чувства одного вѣрующаго брата проникаетъ въ сердце другого, — вѣаніе Святого Духа носится надъ всѣми, охватываетъ всѣхъ. Такъ совершается таинственно-духовное единеніе вѣрующихъ между собою, безъ различія ихъ рода, званія и состоянія, когда всѣ, становясь между собою братьями во Христѣ, единымъ сердцемъ и едиными устами возносятъ молитвенной восторгъ свой Небесному Отцу. Такъже и въ этомъ, какъ и въ другомъ многомъ, Православная Церковь отличается (въ перкви Греческой богослуженіе совершается на древнегреческомъ языкѣ, что вполне сходствуетъ съ намиѣ церковно-славянскимъ) отъ протестантства, не различающаго домашнее и церковно-богослужебное употребленіе Слова Божія, и католичества, различающаго то и другое настолько, что для большинства церковное чтеніе Слова Божія остается непонятнымъ, и для всѣхъ — мертвою рѣчью чуждаго языка.

1) Вѣдь и Иеронимовъ Вульгата латинская въ свое время была понятна тѣмъ вѣрующимъ, для коихъ она первоначально назначалась.

сторона справа). Первоначальный церковно-славянский переводъ Нового Завета сдѣланъ былъ святыми братьями Кирилломъ и Меодіемъ примѣнительно къ языку южныхъ славянъ, коего не всѣ слова и обороты были свойственны и удобопонятны для христіанъ русскихъ, — что вызываетъ въ русской Церкви стремленіе *превратить текстъ южно-славянской въ славяно-русской*. Съ другой стороны: при тѣсномъ общеніи съ церковію греческой, русская Церковь постоянно заботилась объ *исправленіи текста славянскаго согласно лучшему греческому*. Эта живая, постоянная и какъ бы обще-соборная работа нашей Церкви по справѣ рукописнаго славяно-русскаго текста Нового Завета не прекратилась и въ печатномъ текстѣ, какъ не можетъ она считаться оконченною и въ настоящее время ¹⁾. Да и по самому существу предмета эта работа никогда не можетъ прекратиться въ Православной Русской Церкви. Языкъ живетъ и видоизмѣняется совмѣстно съ жизнью народа, всегда въ немъ будутъ умирать одни слова и обороты и нарождаться другіе, чтобы въ свою очередь уступить мѣсто новымъ словообразованіямъ. Посему всегда въ нашей Церкви будетъ потребность справы церковно богослужебнаго славянскаго текста примѣнительно къ понима-

¹⁾ Для доказательства достаточно указать: „разумѣвающу же народу многу“ (Лук. 8, 4), въ русск: „когда же собралось множество народа“, соотв. греч. *ὄντων δὲ τοῦ ὄχλου πολλοῦ*, — въ слав. или смѣшеніе *свѣци* и *свѣци*, или же невѣрное чтеніе *σινδρόνας*, — „во едину отъ субботы“ (Матѣ. 28, 1 и парал.) вм. *во единъ* или *первый* (день) *субботы* или *недѣли* (какъ въ пѣк. древне-сл.), — „же-око ти противу рожка прати“ (Дѣян 26, 14) вм. „рожномъ“ или „остиню“, „остень“, соот. греч. множ. *πρὸς κίτρον*, какъ пѣк. древнесл. — „не бо безъ ума мечъ поситъ“ въ „туне“ св. Ал. и пѣк. соотв. греч. *εἰσὴ* (Римл. 13, 4), — „вершнстся“ вм. „отмѣляется“ или „содержитсѣ“, *ἀσχηματοποιεῖται* (Римл. 13, 9, — ср. существ. оглавленіе, содержаніе), — доселѣ читается „инципиенту“ въ 1 Тим. 3, 3 вм. „скверноствяжате-снѣ“ Тит. 1, 7 и Тим. 3, 8, — или „срамодобытнику, срампріобрѣтнику“ у св. Ал. и др., — „отъ непріятнѣ“ у Матѣ. 5, 47, ср. Іоан. 17, 15) вм. „отъ лукаваго“ (дѣвола) или *отъ на*, греч. *ἀπὸ τοῦ πονηροῦ*, — *ἐν ἀρετῇ* у Іоан. 1, 1 перев.: „въ иачи тѣ“, а въ слѣд. 2-мъ стихѣ: „искоин“, — „Иидовс, иидовинъ, иидовскъ“ въ однихъ мѣстахъ, и „*іудеи, іудеининъ, іудейскъ*“ въ другихъ, — *ζωή* — „животъ“ и „житъ“, — „пропяти—пропятиѣ“ и „распяти—распятиѣ“, греч. *σταυροῦν*, — доселѣ чуждое русскому языку двойственное число неездѣ замѣнено множественнымъ, соотвѣтственно греческому подлиннику и др. мн.

нію русскаго народа въ каждое данное время. Такъ, всегда живое и дѣйственное Слово Божіе само живетъ и дѣйствуется въ неумирающей работѣ Церкви русской надъ приближеніемъ церковно-славянскаго текста библейскаго къ наиболѣе плодотворному усвоенію его православнымъ русскимъ народомъ.

Не только выдающееся, но даже совершенно особенное мѣсто въ этой многовѣковой исторіи новозавѣтнаго славяно-русскаго текста занимаетъ трудъ святителя Алексія, митрополита Кіево-Московскаго и Всероссійскаго.

Замѣчательнъ сей трудъ, прежде всего, тѣмъ, что онъ усваивается *лицу*, облеченному авторитетомъ *святости*. Правда, и первоначальный славянскій переводъ Новаго Завѣта принадлежитъ *святимъ* первоучителямъ славянскимъ Кириллу и Меѳодію. Но весь-ли сполна Новый Завѣтъ былъ переведенъ самими первоучителями славянскими, — существовалъ-ли вообще литературный языкъ и въ частности переводъ Новаго Завѣта у славянъ до Кирилла и Меѳодія, коими святыя братья могли бы пользоваться, — что, при замѣтной склонности славянъ къ исправленіямъ и постояннымъ измѣненіямъ новозавѣтнаго текста, могло уцѣлѣть въ немъ подлиннаго Кирилло-Меѳодіевскаго и что принесено послѣ многочисленными и безыменными сиравщиками: — все это вопросы, неразрѣшимые въ настоящее время и имѣющіе мало надежды на рѣшеніе ихъ въ будущемъ. Напротивъ, въ трудѣ святителя Алексія мы имѣемъ полный, написанный одною рукою и исправленный въ одномъ духѣ, славяно-русскій текстъ Новаго Завѣта, — усваиваемый преданіемъ лицу, не только исторически вполне опредѣленному, но и особенному въ исторіи русской Церкви, какъ первому изъ русскихъ митрополиту Московскому и Всероссійскому, какъ святому угоднику Божію и какъ прославленному, не только у христіанъ, но и у магометанъ-татаръ, чудотворцу при жизни и по смерти, сообщившему какъ бы часть своего чудотворнаго дара и своему труду. (По свидѣтельству древней надписи на рукописи и исправителей Библии XVII в., новозавѣтный текстъ сей рукописи читался надъ болящими за здравіе, — сама рукопись имѣетъ вещественные слѣды своего церковно-богослужебнаго употребленія).

Замѣчательнъ сей трудъ и по тому назначенію, какое, какъ видно изъ особенностей труда и обстоятельствъ его происхожденія, желалъ ему дать самъ трудившійся святитель. Въмѣстѣ съ Московскими князьями и сочувствовавшими имъ многими и вліятельными боярами Св. Алексій былъ ревностнѣйшимъ носителемъ великой мысли собиранія Руси въ единое всероссійское государство, съ Москвою во главѣ, и дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ московскихъ князей и бояръ въ осуществленіи этой мысли. Съ дальновидностію истинно-русскаго государственнаго мужа соединяя мудрость и праведность истиннаго пастыря Христова, св. первостоятель московскій зналъ, что въ православней Руси единство государственное возможно только при единствѣ церковномъ и потому вліяніе свое, какъ всечимаго въ Россіи (и даже въ Ордѣ у магометанъ) архипастыря, находилъ справедливымъ направлять не только во славу церкви русскаго, но и къ возвеличенію московскаго государства. Такъ, вмѣстѣ съ многими знатнѣйшими и вліятельнѣйшими боярами, св. Алексій является ближайшимъ совѣтникомъ и руководителемъ государственной дѣятельности московскихъ князей,—онъ устрояетъ отношенія удѣльныхъ князей къ московскому князю на пользу Москвы,—заботится о содѣйствіи и даже подчиненіи ихъ московскому князю и о военнополитическомъ могуществѣ Москвы для отраженія общерусскихъ враговъ—Олгерда Литовскаго и Хана татарскаго. Великимъ печальникомъ земли русскаго былъ св. Алексій и въ управленіи церковью всероссійскою. Окончательно утвердивъ въ Москвѣ мѣстопребываніе митрополита всероссійскаго, Святитель тѣмъ самымъ уже возводилъ ее на степень и государственной столицы русскаго. Онъ дѣятельно заботится о расширеніи вліянія московскаго митрополита и своей власти въ церкви русскаго открытіемъ новыхъ епископій и поставленіемъ новыхъ епископовъ, бывшихъ, конечно, и сторонниками московско-государственной идеи. Вопреки проiscaмъ латинъ въ Литвѣ, онъ устанавливаетъ чествованіе православнымъ мученикамъ литовскимъ—Іоанну, Антонію и Евстаею. Наконецъ, во все время своего святительскаго служенія онъ ведетъ дѣятельную и успѣшную борьбу за всеединство церкви русскаго съ врагами этого всеединства и своими соперниками по митрополіи—*Неодо-*

ритомъ, коего, незаконно и безъ всякаго права, объявилъ кievскимъ митрополитомъ патриархъ Болгарскій, — съ *Романомъ Галицкимъ*, коего уже самъ Константинопольскій патриархъ сдѣлалъ совмѣстникомъ святителя Алексія, — и съ *Антоніемъ*, ставленикомъ польскаго короля Казимира, владѣвшаго и Галицкою областью.

[Отецъ св. Алексія черниговскій бояринъ *Теодоръ*, по прозванію *Бяконтъ*, (по свид. Род. Кн. изд. 1787 г. ч. 1 стр. 275 у Горскаго, Св. Алексій, въ Приб. къ Тв. Свв. Оо. VI. 92. прим. *д*), былъ однимъ изъ тѣхъ дальновидныхъ русскихъ людей того времени, кои, по запусѣннн Кіева и при государственномъ ослабленіи русскаго юго-запада, сознавали необходимость новаго средоточія для русской, какъ государственной такъ и церковной, жизни и предусматривали таковое въ юномъ княжествѣ Московскомъ. Изъ Чернигова, подвергшагося разоренію отъ нашествія татаръ, Теодоръ со всею семьею переселился въ Москву къ Московскому князю Данилу Александровичу. О выдающихся способностяхъ Теодора и его преданности Московскому князю свидѣтельствуетъ то высокое и даже исключительное положеніе, какое онъ занялъ среди Московскихъ бояръ въ качествѣ намѣстника или правителя самой Москвы (по Род. Кн.: „Москва за нимъ была“). Также племянникъ св. Алексія, отъ его брата Теофана, Данииль „пользовался отличнымъ уваженіемъ Великаго Князя за разныя услуги, оказанныя имъ въ Ордѣ и другихъ странахъ“ (Горскій *ibid.*), — а „весь“ родъ другого племянника его Стефана отъ того же брата, „служилъ у митрополитовъ“ въ боярахъ (*ibid.*), — слѣд. также принадлежалъ къ сторонникамъ Москвы. Самъ св. Алексій родился въ Москвѣ, бывъ названъ, по тогдашнему обычаю, двумя именами, при рожденіи и крещеніи — Симеономъ и Елевееріемъ. Данииль Александровичъ назначилъ его крестнымъ отцомъ своего еще малолѣтняго сына Іоанна Даниловича Калиты, что также свидѣтельствуетъ объ особенныхъ отношеніяхъ Теодора къ Москвѣ и ея князьямъ. Какъ сынъ знатнѣйшаго изъ бояръ, Елевеерій предназначался своимъ родителемъ къ государственной службѣ московскому князю и соотвѣтственно этому получилъ тогдашнее образованіе. Соединяя прилежаніе съ выдающимися способностями юный Елевеерій „изучился всей

грамать“ и „всѣмъ книгамъ извѣче“ (по нѣк. сп. житія, у Макарія. Ист. Русс. Ц. IV. 1 33. прим. 42). Но уже съ 12 лѣтъ Елевероій сталъ обнаруживать склонность къ уединенію, къ аскетизму и къ книжному занятію. На 15-мъ году онъ ушелъ въ Московскій Богоявленскій монастырь, гдѣ на 20-мъ году принялъ монашество съ именемъ Алексія. Здѣсь, на разцвѣтѣ своей жизни, св. Алексій имѣлъ полную возможность отдаться внутреннему влеченію своей души къ ипоческимъ подвигамъ и занятію книгами, такъ что „все писаніе ветхаго и новаго завѣта проиде“ (Макарій, *ibid.*). Но недолго суждено было молодому подвижнику и книжнику оставаться въ уединеніи ипоческаго подвига. По предначертанію Промысла, бояринъ—инокъ, сынъ ближайшаго къ Московскому князю боярина, призванъ былъ въ духовномъ званіи послужить къ возвышенію Москвы, какъ въ церковномъ такъ и въ государственномъ отношеніи, гораздо болѣе, чѣмъ быть можетъ онъ былъ бы въ состояніи сдѣлать это какъ свѣтскій бояринъ. Великіе собиратели земли русской, во главѣ съ Московскимъ княземъ, конечно знали, что единство и мощь государственныя въ Православной Руси возможны только при совмѣстномъ объединеніи и средоточеніи власти церковной, и потому прежде всего позаботились перенести мѣстопробываніе митрополита всероссійскаго изъ Кіева во Владиміръ, а потомъ въ Москву. (Москва и Владиміръ принадлежали одной епархіи). Знали они и то, какую помощь могутъ имъ оказать митрополиты изъ русскихъ уроженцевъ вмѣсто грековъ, для коихъ, какъ иностранцевъ, конечно, не была такъ сродна и жизнедѣйственна великая мысль о всероссійствѣ московскомъ. По внушенію Великаго Князя Московскаго Симеона Иоанновича, митрополитъ Θεогностъ, грекъ родомъ, назначаетъ св. Алексія своимъ намѣстникомъ и беретъ его къ себѣ на митрополичій дворъ для управленія церковными судами. Въ качествѣ такого намѣстника митрополита, грека и при томъ не обладавшаго крѣпкимъ здоровьемъ, св. Алексій въ теченіи 12-ти слишкомъ лѣтъ былъ дѣйствительнымъ управителемъ надъ всею русскою церковію, какъ о семъ свидѣтельствуютъ и патріаршія грамоты (Русская Историческая Библіотека, т. VI. Приложенія, №№ 9 и 12, столб. 44 и 66). Возведенный не задолго до смерти Θεогноста на

Владимірскую епископію, принадлежавшую митрополиту, куда первоначально и была перенесена митрополія изъ Кіева,—св. Алексій тѣмъ самымъ уже предназначался въ преемники митрополита московскаго. Отправленный затѣмъ въ Константинополь съ одобрительными отзывами Великаго Князя, митрополита и боярѣ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ не только у Русскихъ, но и „у ромеевъ“ (Прил. № 2, столб. 44),—св. Алексій былъ утвержденъ въ санѣ „митрополита Кіевскаго и всея Россіи“ и воротился въ Москву, уже не заставъ въ живыхъ ни Θεогноста, ни Симеона Іоанновича. Въ санѣ Владыки Всероссійскаго св. Алексіи продолжалъ ревностно служить великому дѣлу собиранія Руси. Въ предсмертномъ завѣщаніи Симеонъ Іоанновичъ заповѣвѣдалъ своимъ братьямъ: „слушали бы есте отца нашего Владыки Алексѣя“ (Собраніе Госуд. Грам. и Догов. т. 1 стр. 38—Горскій, стр. 91, прим. б). Этому завѣту слѣдовалъ преемникъ Симеона его братъ Іоаннъ Іоанновичъ, княжившій 6 лѣтъ. Послѣ его смерти великокняжескій престоль отъ Московскаго князя перешелъ къ Суздальскому князю Дмитрію, а Москва осталась за 12 лѣтнимъ сыномъ Іоанна Іоанновича Дмитріемъ, впоследствии Донскимъ, котораго Іоаннъ Іоанновичъ, умирая, поручилъ попеченію и руководству св. Алексія (Русс. Ист. Библ. т. VI. Прил. № 33, столб. 198) и котораго самъ св. Алексій называетъ „своимъ сыномъ“ въ духовномъ завѣщаніи. Не смотря на то, что великокняжескій престоль перешелъ къ Суздальскому князю, св. Алексій не пожелалъ возвратитъ во Владимірѣ митрополичье мѣстопробываніе, но остался въ Москвѣ, при юномъ Дмитріѣ, чѣмъ уже неизмѣримо возвышалъ Москву и ея князя надъ всѣми другими русскими княжествами и князьями. А чрезъ два года малолѣтній Дмитрій, по внушенію Совѣта боярѣ, гдѣ участвовалъ и духовный руководитель Дмитрія св. Алексій,—объявилъ себя соперникомъ Суздальскаго Великаго князя Дмитрія и, по содѣйствію св. Алексія и Московскихъ боярѣ, получилъ въ Ордѣ Великое Княженіе. До самой смерти своей св. Алексій былъ постояннымъ руководителемъ Дмитрія въ дѣлѣ возвышенія Москвы, какъ надъ русскими княжествами, такъ и надъ Литовскимъ и Польскимъ, и въ дѣятельной подготовкѣ Руси къ сверженію татарскаго ига. Такимъ радѣтелемъ воз-

вышенія Москвы и великимъ печальникомъ всей земли русской св. Алексій является въ качествѣ посредника при договорѣ Великаго Князя Московскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ (Собр. Грам. и Догов. 1, № 27. Горскій, стр. 114, прим. *θ*). Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ умиротвореніи братьевъ—Димитрія (бывшаго Великаго Князя Суздальскаго) и Бориса, враждовавшихъ изъ-за Нижегородской области. Отказавшись отъ безплодныхъ попытокъ удержать за собою Великое Княженіе, Димитрій Суздальскій обратился къ посредничеству Москвы для возвращенія себѣ Нижегородской области, захваченной его братомъ Борисомъ. Чтобы уговорить Бориса къ добровольной уступкѣ Нижняго-Новгорода Димитрію, св. Алексій и Димитрій Іоанновичъ посылаютъ св. Сергія Радонежскаго, даже съ полномочіемъ, въ случаѣ упорства Бориса, затворить храмы, къ каковому средству и на дѣлѣ былъ вынужденъ прибѣгнуть св. Сергій. Какъ эта мѣра, такъ и двинутая къ Нижнему-Новгороду Московская рать заставили Бориса смириться и отдать городъ Димитрію. Суздальскій епископъ Алексій, завѣдывавшій и Нижегородскою областью, за свое сочувствіе Борису былъ лишень этой области. (Ср. Русск. Ист. Библ. Прил. 25. столб. 146 и Горскій, стр. 115). Смоленскаго князя Святослава, какъ и другихъ русскихъ князей, отказавшихся отъ клятвенно-скрѣпленнаго договора съ Московскимъ княземъ—помогать ему противъ Литовскаго князя Ольгерда, язычника,—св. Алексій отлучилъ отъ Церкви, и чтобы усилить дѣйствіе этой мѣры, внушилъ Константинопольскому патріарху послать подтвержденіе этого отлученія и увѣщаніе къ князьямъ подчиниться митрополиту Алексію и Московскому князю (Русск. Ист. Библ. ів. Прил. №№ 10, 11, 18, особ. 19, столб. 118) Столь же дѣятельное участіе въ возвышеніи Москвы явилъ св. Алексій и въ отношеніи къ Тверскому князю Михаилу Александровичу, который держалъ сторону сильнаго соперника Москвы Ольгерда Литовскаго, женатаго на сестрѣ Михаила. Но и воинственный Михаилъ, несмотря на поддержку его Ольгердомъ, не могъ устоять противъ Московскаго князя и Митрополита и долженъ былъ заключить, внушенный св. Алексіемъ, договоръ съ Димитріемъ Іоанновичемъ — помогать Московскому князю не

только въ отраженіи татаръ, но и въ нападеніи на нихъ (Собр. Госуд. Грам. 1. № 28, Гор. 118, прим. г, ср. Русск. Ист. Библ. Прил. № 24, ст. 138—140, № 25, ст. 146—148, № 28, ст. 150, ср. столб. 174 и 198). Договорная грамота Московскаго князя съ Тверскимъ показываетъ, что св. Алексій заботился не только о возвышеніи Москвы надъ юго-западными ея соперниками, но и предусматривалъ уже близкій конецъ и татарскаго ига, въ сверженіи коего Москвѣ должно было принадлежать наибольшее дѣятельное участіе.

Такимъ же радѣтелемъ и печальникомъ земли русской былъ св. Алексій и въ своемъ управленіи Церковью всероссійскою. Съ самаго начала своего святительскаго служенія въ санѣ митрополита всероссійскаго св. Алексій долженъ былъ вести постоянную и упорную борьбу съ юго-западными претендентами на русскую митрополию и ея епархіи. Таковъ былъ прежде всего нѣкій Θεодоритъ, поставленный въ митрополита Кіевскаго и всероссійскаго Болгарскимъ патріархомъ, быть можетъ, державшимъ, вопреки канонамъ православной Церкви, вмѣстѣ съ литературно-книжнымъ вліяніемъ подчинить своей власти русскую Церковь и въ административномъ отношеніи, хитро считывая на тогдашнюю политическую слабость Византіи и Россіи. Затѣмъ сильный Литовскій князь Ольгердъ, паходившійся въ родственныхъ связяхъ со многими русскими князьями и соперничавшій съ Москвою, выхлопоталъ уже у самого Константинопольскаго патріарха назначеніе другого митрополита Романа, своего ставленника и совмѣстника св. Алексія. А потомъ и Польскій король Казиміръ, овладѣвшій и Галицкою русскою областью, грозя католицизмомъ, вынудилъ у Константинопольскаго патріарха назначить нѣкоего Антонія, русскаго родомъ, митрополитомъ Галицкимъ. Наконецъ, и въ самую Москву, еще при жизни святителя Алексія, явился пресмникомъ и совмѣстникомъ его Кирианъ, родомъ сербъ, коего, однако же, не приняли въ Москвѣ ни великій князь, ни митрополитъ и духовенство, ни бояре и народъ. О постоянной, дѣятельной и успѣшной борьбѣ св. Алексія съ незаконными совмѣстниками своими и интригами юго-западныхъ своихъ соперниковъ свидѣтельствуется та оживленная переписка съ Кон-

стантинопольскимъ патріархомъ, коіи слѣды уцѣлѣли въ грамотахъ патріаршихъ по поводу этихъ совмѣстниковъ (Русск. Ист. Библ. Прил. №№ 11, 13, 14, 15, 22, 23, 24, 25, 30, 32). Для поднятія православія въ Литвѣ, гдѣ были сильны язычество и католицизмъ, св. Алексій устанавливаетъ празднованіе тамошнимъ православнымъ мученикамъ Іоанну, Антонію и Евстаѳію. Успѣшно отражая незаконныя притязанія своихъ юго-западныхъ совмѣстниковъ, св. Алексій еще ревностнѣе заботится о средоточіи церковной власти въ самой Руси православной, открывая новыя епархіи, поставляя новыхъ епископовъ русскихъ и вновь основывая или же возстановляя монастыри въ разныхъ областяхъ російскихъ: въ нихъ св. Алексій, конечно, приобрѣталъ ревностныхъ сторонниковъ сосредоточенія въ Москвѣ власти какъ государственной, такъ и церковной. Памятниками этой заботы святителя служатъ: частію уже его окружное посланіе (напечатано въ Приб. къ Тв. Св. Отц. V, 30—39), но главнымъ образомъ его поученіе (посланіе) къ Нижегородской и Городенкой области (напечатано въ Душен. Чг. 1861 г., I, 458—467) и грамота въ Червлёный Яръ (напеч. въ Русск. Ист. Библ. VI, № 19, столб. 167—172), а также грамоты Константинопольскаго патріарха (въ Русск. Ист. Библ. VI. Прил. №№ 9, 10, 11, 15, 18, 19). Наконецъ, о великой мысли Святителя освободить Русь и отъ книжно-литературнаго вліянія юго-запада свидѣтельствуетъ собственноручно имъ написанный Новый Завѣтъ, имѣющій въ себѣ явные слѣды желанія дать Руси православной свою самостоятельную славяно-всероссійскую или кіево-московскую редакцію церковно-богослужебнаго текста Новаго Завѣта. Такъ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ не только у русскихъ, но и „у ромеевъ“, даже у татаръ (Горскій, 108), за свою *мудрость*, въ точномъ и полномъ смыслѣ этого слова, св. Алексій всю жизнь свою посвятилъ осуществленію великой мысли сбранія земли русской какъ въ государственномъ, такъ и въ церковномъ отношеніи, въ одну великую и могучую внѣшне и внутренне Русь православную (св. Алексій родился въ концѣ XIII вѣка, воротился изъ Константинополя въ Москву въ санѣ митрополита Кіевскаго и Всероссійскаго въ 1354 году и скончался 12 февраля 1378

года. См. кромѣ „Житій“ и „Лѣтописей“ Митрополита *Платона*, „Краткая Церковная Исторія“, 1805 г. Москва. Т. I, главы 28—30, стр. 176—199; прот. А. В. *Горскаго*, Св. Алексій, въ Приб. къ Твор. Св. Отц., VI, стр. 89—128, и *Макарія*, Ист. Русск. Церкви, т. IV, кн. I, стр. 32—62].

Но если при томъ всеобщемъ уваженіи, какимъ пользовался святитель Московскій въ Россіи, и при содѣйствіи сильныхъ и богатыхъ Московскихъ князей, ему не трудно было отстранять, канонически притомъ совершенно незаконныя, притязанія своихъ совмѣстниковъ, ставлениковъ юго-западныхъ сосѣдей и политическихъ враговъ Россіи, то не такъ легко было отстоять духовную, книжно-литературную независимость Руси отъ вліянія юго-западнаго славянства (Болгаріи). Усвоивъ отъ болгаръ литературно-книжный языкъ, церковно-богослужебныя и другія книги, Русь тѣмъ самымъ уже становилась въ духовное подчиненіе южно-славянской литературѣ, получая оттуда списки священнаго текста, церковно-богослужебныхъ книгъ, святоотеческихъ твореній. Правда, уже съ глубокой древности (XI—XIII в.) мы встрѣчаемъ на Руси опыты освобожденія новозавѣтнаго текста отъ болгаризмовъ и обращенія его въ текстъ славяно-русскій, находимъ свои исправленія и новые переводы съ греческаго, нѣкоторыя даже оригинальныя произведенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются и южно-славянскіе переводы и редакціи. Притомъ, въ концѣ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, книжно-литературная дѣятельность въ Россіи ослабѣваетъ, а у южныхъ славянъ (болгаръ), напротивъ, оживляется. Средоточіемъ этой литературной дѣятельности южныхъ славянъ были Константинополь и Аѳоны, гдѣ находились тогда и русскіе книжные люди, коимъ вдали отъ родины весьма было легко подчиниться вліянію какъ греческой, такъ и особенно южно-славянской книжности ¹⁾. Долгое время, около года, живя въ Константинополѣ, св. Алексій долженъ былъ видѣть эту работу и, какъ мудрый и дальновидный Пастырь Церкви,

¹⁾ См. у проф. А. И. Соболевскаго, Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. СПб. 1894.

не могъ не усматривать опасности духовнаго подчиненія Руси южному славянству. Во всякомъ случаѣ для подвижника за самостоятельность Руси въ церковно-государственномъ отношеніи, при видѣ живой дѣятельности южныхъ славянъ въ Константинополѣ по справѣ священныхъ текстовъ, была совершенно естественна мысль о духовномъ освобожденіи Руси и объ ея книжной независимости отъ южныхъ славянъ. Пользуясь годовымъ досугомъ отъ сложныхъ заботъ по управленію Церковью всероссійскою и руководству государственными дѣлами, Святитель самъ трудится въ Константинополѣ надъ составленіемъ такого церковно-богослужбнаго славянскаго текста новозавѣтнаго, который былъ бы не только свѣршенъ съ наилучшимъ греческимъ текстомъ и возможно къ нему приближался бы, но и, освобождаясь отъ малопонятныхъ южно-славянскихъ словъ и оборотовъ и вообще возможно далѣе уклоняясь отъ южно-славянскаго редакціи, представлялъ свой самостоятельный текстъ *славяно-русскій*, точнѣе *великорусско-московскій* или *средне-русскій*, долженствовавшій, какъ удобопонятный для огромнаго большинства русскихъ, стать всероссійско-церковнымъ. Развообразіе редакцій новозавѣтнаго текста, употреблявшихся въ русской Церкви, вникшія въ него многочисленныя неисправности, а также непонятность для русскаго многихъ словъ и оборотовъ въ старо-славянскихъ текстахъ вполнѣ уполномочивали Святителя на такой трудъ, не только какъ на благовременный, но и какъ на необходимый. Такое назначеніе труда Святителя замѣтно сказывается какъ въ замѣнѣ старо-славянскихъ словъ и оборотовъ новыми славяно-русскими или великорусскими, такъ и въ тѣхъ измѣненіяхъ, кои на первый поверхностный взглядъ могутъ показаться простымъ капризомъ справщика, но кои въ дѣйствительности могли изникать изъ великой мысли Святителя—новую славяно-русскую или великорусско-московскую редакцію возможно болѣе отличить отъ древнихъ редакцій—южно-славянскаго и древне-русскаго, насколько позволяли это точность перевода и законы языка славяно-русскаго. И эту великую мысль Святитель могъ исполнить только отчасти—въ отношеніи одного Новаго Завѣта, и притомъ только въ трудѣ, такъ сказать, черновомъ. Промыслъ Божій призывалъ своего великаго угод-

ника къ другимъ, для того времени болѣе настоящимъ, нуждамъ русской Церкви и русскаго государства, предоставивъ позднѣйшему времени завершить великое предназначеніе святителя Московскаго.

Но всего болѣе трудъ святителя Алексія замѣчательнъ по своей *внутренней*, такъ сказать, внѣсторической сторонѣ, т. е. по тѣмъ, какъ заимствованнымъ такъ и самостоятельнымъ, *переводамъ и исправленіямъ*, кои или могутъ быть и частію уже усвоены въ современный славяно-русскій текстъ, или же должны служить всегдашними образцами для всей послѣдующей справы его, — въ коихъ св. Алексій является предъ нами вдохновеннымъ толмачемъ и глубоко-мысленнымъ истолкователемъ греческаго новозавѣтнаго текста на языкѣ славяно-русскомъ. Эти-то свойства труда святителя и составляютъ главный предметъ нашей рѣчи. Къ нимъ, въ качествѣ прибавленія, присоединимъ и указаніе тѣхъ сторонъ труда, кои не могутъ быть усвоены въ современный славяно-русскій текстъ Новаго Завѣта.

[Нѣкоторые слѣды знакомства съ тою редакціей славянскаго текста Новаго Завѣта, какую находимъ въ трудѣ св. Алексія, имѣются уже въ Константинопольскомъ Евангеліи 1383 года (а трудъ св. Алексія написанъ въ Константинополѣ въ 1353 году). Болѣе же близкое знакомство съ текстомъ Чудовской рукописи указаны проф. Г. А. Воскресенскимъ въ Никоновскомъ Четвероевангеліи XIV вѣка (хранящимся въ ризницѣ Троице-Сергіевой Лавры), Четвероевангеліи того же вѣка въ СПб. Импер. Публичной Библіотекѣ (собранія графа О. А. Толстого) и въ толкованіи блаж. Теофилакта Болгарскаго (списокъ XV в. Моск. Синод. Библіотеки). Ничего страннаго нѣтъ въ томъ, что текстъ Чудовской рукописи могъ вліять на вышешомѣченные списки, особенно на списокъ Никона, ученика Преподобнаго Сергія, съ коимъ св. Алексій находился въ особенно близкомъ общеніи, намѣреваясь сдѣлать его даже своимъ преемникомъ по митрополіи. Но, съ другой стороны, отсутствіе положительныхъ указаній на списокъ св. Алексія и не незначительныя отъ него уклоненія могутъ наводить на мысль о какомъ-либо общемъ, намъ пока неизвѣстномъ, первоисточникѣ, что лежитъ и въ основѣ Чудовскаго списка. Первое положительное указаніе на церковно-практическое

употребленіе Чудовскаго списка при справѣ богослужебнаго церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта находимъ въ предсловіи къ рукописному Четвероевангелію 1674 года (Моск. Румянц. Муз. собр. Унд. № 1291), гдѣ переводчики и исправители Библии (Епифаній Славеницкій или же его помощникъ Евѳимій), перечисляя рукописи, находившіяся въ ихъ пользованіи, о трудѣ св. Алексія говорятъ: „первая славенская книга бѣ у переведенія сего, *преводу и рукописанія* святаго Алексѣя Митрополита всея Россіи Чудотворца, писанная въ лѣто 6863, до смерти его за 23 лѣта, яже и дондесъ обрѣтается въ Обители его, въ Чудовѣ монастырѣ, въ книгоположницѣ блюдома, и прочитаема бываетъ надъ болящими“ (въ видѣ извлеченія это предисловіе напечатано въ „Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина“ Евгенія митроп. Изд. 2-е 1827, СПб. ч. 1. стр. 182). Но, упомянувъ на первомъ мѣстѣ въ спискѣ источниковъ рукопись св. Алексія, справщики положили, однакоже, въ основу исправленнаго текста не Чудовской списокъ, но ту редакцію, въ основѣ своей южно-славянскую (болгарскую), каковую имѣемъ въ Констант. Евангеліи 1383 года и Библии 1499 года. Всюду отдавая предпочтеніе этой именно редакціи и древнѣйшимъ южно-славянскимъ чтеніямъ предъ новымъ переводомъ св. Алексія, справщики только въ сравнительно немногихъ случаяхъ слѣдовали исправленіямъ Московскаго Святителя. Затѣмъ въ 1792-мъ году ученый славистъ, аббатъ Добровскій, чехъ родомъ, въ числѣ другихъ славянскихъ списковъ Новаго Завѣта, хранившихся въ Москвѣ, изслѣдовалъ и рукопись св. Алексія, сообщивъ вмѣстѣ съ другими и отзывъ о сей рукописи извѣстному критику — издателю греческаго текста Новаго Завѣта — *Гризбаху*, напечатавшему изслѣдованіе Добровскаго на латинскомъ языкѣ въ пролегомена къ изданію Новаго Завѣта. Выписываемъ переводъ изъ этихъ пролегоменъ, сдѣланный А. В. Горскимъ: „Новый Завѣтъ, на пергаментѣ XIV вѣка. Почитается писаннымъ рукою Алексія Митрополита, и потому съ благоговѣніемъ хранится въ Московскомъ монастырѣ св. Архангела (Михаила), обыкновенно называемомъ Чудовымъ. Что сей Алексій, чтимый Русскими между святыми, зналъ греческій языкъ и составилъ новый переводъ славянскій, объ этомъ говорится въ его житіи (разумѣется позд-

нѣйшая редакція житія, принадлежащая XVIIв.). Сія *рецензія* славянскаго текста, или, если угодно, *переводъ исправленіе другихъ. Нѣкоторыя реченія, особенно принадлежащія древности, исправлены по греческимъ спискамъ добраго качества.* По мѣстамъ точнѣе выражаетъ греческій образъ рѣчи. Сличилъ я Луки главу первую и послѣднюю и нѣсколько стиховъ 22-й главы (edit. II, 1796, vol. 1. Proleg. Sect. VII). ...Если-бы Острожскіе издатели, по крайней мѣрѣ при печатаніи Апокалипсиса, воспользовались симъ спискомъ, который заключаетъ въ себѣ переводъ, можно сказать, *самый чистый*: тогда церкви Славянскія имѣли бы сію книгу въ исправнѣйшемъ видѣ, нежели какова она въ греческихъ рукописяхъ, чаще встрѣчающихся... О греческомъ спискѣ, которымъ пользовался Алексій, надобно судить по тѣмъ отборнымъ чтеніямъ, какія замѣчены мною въ большой части главъ... Даже по языку переводъ Алексія такъ сходенъ съ спискомъ 4-мъ (Рки. Синод. Библия съ толкованіемъ Андрея Кесарійскаго), что я не сомнѣваюсь о происхожденіи того и другого изъ одного источника. Но Алексій ли заимствовалъ текстъ славянскій изъ толкованія Андреева и очистилъ его по греческому списку отъ вставокъ и другихъ недостатковъ, или переводъ Алексіевъ есть первый въ Россіи, которымъ потомъ пользовался славянскій переводчикъ Андрея и который въ послѣдствіи небреженіемъ или своеволіемъ переписчиковъ испорченъ: кто осмѣлится это рѣшить? (Vol. II. 1806, въ спискахъ Апокалипсиса № 10, — см. у А. В. Горскаго, Св. Алексій, стр. 95—97, прим. ж). Кромѣ житія св. Алексія, принадлежащаго XVIIвѣку и, вѣроятно, уже упомянутымъ справщикамъ (Епифанію или Евѣимію), на самой Чудовской рукописи имѣется древняя надпись: „тетро-евангеліе чудотворца алексѣя чудова монастыря. совѣтъ даю въ семъ евангеліи чести за здравіе надъ болящими“, — и слѣдующія записи митрополита Платона: „τὸ εὐαγγέλιον, ὡς τὰ ἑταυρόν, θεῖ ἁγιότατον. Ταπεινὸς Πάτων, ἀρχιεπίσκοπος Μόσχας καὶ Καλοῦρας ἐπέγραφε ἰδίᾳ χειρὶ 1781 ἔτος (1 л.), — Вышениписанный Архіепископъ, нынѣ же недостойный Митрополитъ Московскій Платонъ, и паки завѣщаваю хранить сіе Евангеліе, яко собственною рукою Святителя Алексія писанное: вкупѣ же со своеручною Его духовною на концѣ сея книги приложенною. 1798 года, подни-

сано сіе въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ (л. 1. обор.),—украшено Евангеліе жемчуги и каменіемъ 1798 года, тщаціемъ тогоже Митрополита и Архимандрита Троицкія Сергіевы Лавры“ (2 л.),—и въ концѣ рукописи на духовномъ завѣщаніи Святителя, писаннаго на бомбицинѣ: „сію святителя Алексія духовную и съ спискомъ хранить въ монастырской ризницѣ въ среброкованномъ ковчегѣ. Смиренный Платонъ Архіепископъ Московскій. 1777. Юля 2 дня“. Изъ позднѣйшихъ отзывовъ о трудѣ св. Алексія намъ извѣстны:

1) *Филарета Митрополита Московскаго* въ словахъ, говоренныхъ въ 1837 и 1847 годахъ: „Св. Алексій имѣлъ ревность и нашелъ способы достаточно научиться греческому языку: и для чего?—для того, чтобы пріобрѣсти болѣе ясное и точное разумѣніе свящ. книгъ Новаго Завѣта на ихъ первоначальномъ апостольскомъ языкѣ. И недовольствуясь симъ пріобрѣтеніемъ для себя, онъ возжелалъ еще раздѣлить оное съ единовѣрными и единоплеменными. Сличилъ словенскій переводъ новозавѣтныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ и, очистивъ отъ несовершенствъ и погрѣшностей, внесенныхъ въ него неискусными переписчиками, собственною рукою написалъ оный въ книгѣ, которая хранится и донинѣ въ сей, отъ него созданной, обители, какъ одно изъ безцѣнныхъ отъ него наслѣдій“ (Слова и рѣчи, Ч. 1. Москва, изд. 1848 г. стр. 237 и 257).

2) *Прот. А. В. Горскаго*: „Можетъ быть, здѣсь-то, во дворѣ Митрополита, св. Алексій, никогда не пренебрегавшій случаевъ къ пріобрѣтенію новыхъ полезныхъ для него знаній, познакомился съ языкомъ греческимъ. Первымъ поводомъ къ сему могло быть обращеніе съ митрополитомъ—грекомъ и другими греками, жившими при немъ; а собственные труды и усилія повели отъ первоначальныхъ познаній въ разговорномъ языкѣ къ чтенію книгъ греческихъ. И достопамятнымъ плодомъ сихъ знаній было сличеніе славянскаго перевода Новаго Завѣта съ греческимъ подлинникомъ и исправленіе текста славянскаго по греческому. Боголюбивый духъ Алексія, открывъ для себя новый путь къ слову истины, незамедлил воспользоваться имъ, чтобы ближе и точнѣе разумѣть слова Христовы и Апостольскія“ (Приб. къ Тв. Св. Оо. 1848 г. т. VI. 94—95), -- замѣ-

чительно воздержаніе А. В. Горскаго отъ ближайшаго сужденія о достоинствахъ перевода св. Алексія,—быть можетъ ему не безъизвѣстна была и другая сторона труда св. Алексія—его несовершенства.

3) *Филарета Архіепископа Харьковскаго*, Обзоръ русской духовной литературы, Харьковъ, 1859: „Въ высшей степени важенъ Новый Завѣтъ Святителя, хранящійся въ Чудовомъ монастырѣ“... (Приведши затѣмъ выдержку изъ извѣстія о переводѣ Библии Епифаніемъ, авторъ продолжаетъ): „Такъ этотъ Славянскій списокъ Новаго Завѣта— а) не только по письму, но и по переводу—плодъ трудовъ Святителя; б) онъ писанъ въ 1355-мъ году, когда Святитель былъ въ Константинополь, и, слѣдовательно, имѣлъ удобство видѣть лучшіе списки греческаго текста для перевода; в) удивительно ли послѣ сего, что, при исправленіи Новаго Завѣта, его прежде всѣхъ другихъ славянскихъ списковъ имѣли въ виду, какъ руководство“. Сравнивъ потомъ текстъ св. Алексія съ греческимъ текстомъ и десятью древне-славянскими списками у Калайдовича (Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, стр. 29—31) въ притчѣ о талантахъ (Матѣ. 25, 14—30), Святитель продолжаетъ: „Такимъ образомъ, при сличеніи текста Святителя Алексія съ подлинникомъ и съ древними Славянскими списками, несомнѣннымъ оказывается слѣдующее: а) текстъ Святителя во многомъ не сходенъ съ предшествовавшими ему списками; б) текстъ его заключаетъ не только поправки ошибокъ, допущенныхъ славянскими писцами, но и новый переводъ съ подлинника; в) отличіемъ перевода сего служить буквальная близость къ греческому тексту. Такъ, сей подвигъ Святителя говоритъ намъ, что *исправляютъ ошибки въ церковныхъ книгахъ и улучшаютъ хорошее въ нихъ—дѣло святое*, и что *вѣра*—вовсе не въ буквѣ“ стр. 102—105.

4) *Амфилохія архимандрита, а потомъ епископа Галичскаго*, издаваемаго: а) фотографическій снимокъ со всей рукописи—въ маломъ количествѣ экземпляровъ; б) разночтенія къ Галичскому Четвероевангелію 1144 года и къ Карпинскому Апостолу XIII вѣка“, и текстъ Апокалипсиса въ „Апокалипсисѣ XIV вѣка“, въ описаніи лицаваго Апокалипсиса XVIII вѣка. Отличаясь довольною точностію въ основныхъ текстахъ Евангелія (Галичскаго) и

Апостола (Карпинскаго), изданіе преосв. Амфилохія имѣеть не мало олушеній и неточностей въ разночтеніяхъ вообще, и изъ труда св. Алексія въ частности. О критической оцѣнкѣ преосв. Амфилохіемъ труда св. Алексія въ церковно-практическомъ отношеніи можно судить по тѣмъ заимствованіямъ, какія онъ дѣлаеть изъ сего труда въ свое „Четверо-Евангеліе Галичское, исправленное по древнимъ славянскимъ памятникамъ“ и въ Послѣсловіи § 2, гдѣ указаны слова и выраженія, переведенныя св. Алексіемъ ближе къ греческому подлиннику (стр. III—X), и въ свой „Апокалипсисъ XIV вѣка, исправленный преимущественно по Апокалипсису, исправленному св. Алексіемъ“. Труды преосв. Амфилохія цѣнны тѣмъ, что обнимають весь текстъ Новаго Завѣта, хотя систематически и точно формулированной научно-богословской оцѣнки труда св. Алексія мы не находимъ у него, такъ что работы его имѣють не столько изслѣдовательный, сколько издательскій характеръ.

5) *Проф. Моск. Дух. Акад. Г. А. Воскресенскаго*, особенно много потрудившагося надъ изслѣдованіемъ славянскаго рукописнаго текста Новаго Завѣта. Его многочисленныя труды дѣлятся на: 1) *изданія*, каковы: „Древне-славянскій Апостоль. Посланія св. Ап. Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій (Толк. Ап. 1220 г. Толк. Ап. XIV в. Чудов. ркп. и Библия 1499 г.) съ разночтеніями изъ 51 рукописи Апостоль XII—XVI вв. Выпускъ первый: посланіе къ Римлянамъ, 1892 г.“ и „Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго текста евангельскаго (Галичское четвероевангеліе 1144 г. Мстиславова Евангеліе XII в. Чудов. ркп. и Конст. Евангеліе 1383 г.) съ разночтеніями изъ 108 рукописей Евангелія XI—XVI вв. 1894 г.“ и 2) *изслѣдованія*, каковы: „Древне-славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.“, касающійся посланій Ап. Павла къ Римлянамъ, двухъ къ Коринѳянамъ, Галатамъ и Ефесѳянамъ, и „Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка. 1896 г.“. Въ своемъ изслѣдованіи древне-славянскаго Апостола авторъ отмѣчаетъ: а) удерживаемыя въ Чудовскомъ спискѣ отличія древнѣйшей славянской редакціи; б) новый переводъ и

другія чтенія Чудовскаго списка, принятыя въ нынѣшній славянскій текстъ; в) сходство Чудовскаго списка съ Толковымъ Апостоломъ 1220 года и съ г) Толстовскимъ Апостоломъ XIV вѣка; д) особенности, свойственныя одному только Чудовскому списку, и е) наконецъ, указываются переводы списка, отличающіяся буквальною близостью къ греческому тексту. Также и въ изслѣдованіи Евангелія отъ Марка указаны: а) сходства съ древнѣйшею редакціею славянскаго перевода; б) новые переводы и чтенія, принятыя въ нынѣшній славянскій текстъ; в) сходства съ Мстиславовымъ Евангеліемъ и второю древне-славянскою редакціею, и г) наконецъ, особенности, свойственныя одному Чудовскому списку и двумъ другимъ спискамъ той же редакціи (общія всѣмъ имъ и каждой въ отдѣльности). Характерныя особенности славянскаго текста Чудовской рукописи авторъ формулируетъ такъ: 1) удерживается греческая конструкція; 2) наблюдается полное соотвѣтствіе греческому подлиннику въ передачѣ грамматическихъ формъ; 3) греческихъ предлоговъ какъ отдѣльно стоящихъ, такъ и въ сложеніи ихъ съ глаголами, равно выдерживается и отсутствіе ихъ; 4) мѣстоименія личныя передаются личными же вмѣсто возвратныхъ или притяжательныхъ; 5) греческій членъ переводится мѣстоименіемъ *иже*; 6) нѣтъ двойного отрицанія; 7) Чудовскій списокъ употребляетъ столько же словъ, сколько ихъ въ греческомъ подлинникѣ; 8) наконецъ, приводятся греческія слова, оставленныя безъ перевода и свидѣтельствующія о крайней буквальности перевода (см. стр. 273—274). Научно-богословская и церковно-практическая оцѣнка труда св. Алексія стоитъ внѣ задачи изслѣдованій проф. Г. А. Воскресенскаго (о трудахъ его по Евангелію отъ Марка, см. наше „Древне-славянское Евангеліе отъ Марка—поправки, дополненія и замѣчанія къ трудамъ проф. Г. А. Воскресенскаго о древне-славянскомъ текстѣ Евангелія отъ Марка. 1897“).

б) Наконецъ, *проф. А. И. Соболевскаго*, „Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. 1893“, гдѣ, признавая писцомъ Чудовской рукописи русскаго Москвича XIV в. въ Константинополѣ, авторъ говоритъ: „Исправность Чудовскаго списка замѣчательна. Мы въ немъ имѣемъ одну изъ наиболѣе тщательно напи-

санныхъ рукописей, писецъ которой вполнѣ понималъ, что онъ писалъ; онъ зналъ (сколько нужно, чтобы не смѣшивать разныя формы) грамматику и заботился (сколько можно было въ XIV вѣкѣ) объ однообразіи орфографіи... Евангельскій текстъ Чудовской рукописи есть нѣчто самостоятельное... Эта рукопись—нѣчто въ своемъ родѣ единственное... Это—отличный по исправности текстъ, лучший изъ дошедшихъ до насъ текстовъ XIV вѣка“. Но собственно-ручное написаніе св. Алексіемъ какъ Новаго Завѣта, такъ и духовнаго завѣщанія проф. Соболевскій отрицаетъ (стр. 24—28).

7) Въ заключеніе мы должны съ благодарностью указать на „Фототипическое изданіе“ всей рукописи и духовнаго завѣщанія св. Алексія, Леонтіемъ митрополитомъ Московскимъ въ 1892 году. Благодаря этому драгоценному изданію, безцѣнный трудъ святителя Алексія сталъ общедоступенъ для научныхъ изслѣдованій, коихъ онъ въ правѣ ожидать отъ русской и славянской науки какъ филологической, такъ и богословской].

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Муретовъ.